

История знаменитых преступлений

Александр Дюма
Железная маска

«Public Domain»

Дюма А.

Железная маска / А. Дюма — «Public Domain», — (История знаменитых преступлений)

Содержание

	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Дюма Железная маска

Вот уже почти сто лет, как эта загадочная история волнует воображение романистов и драматургов и не дает покоя ученым. Нет сюжета более темного, более спорного и в то же время более популярного. Она подобна легенде, о которой никто не знает ничего определенного, но в которую все верят. Длительное тюремное заключение и тщательные предосторожности для изоляции узника вызывают невольное сочувствие, граничащее с ужасом, а тайна, окутывающая жертву, еще более увеличивает сострадание к ней. Может быть, знай мы подлинного героя этой мрачной истории, она была бы уже забыта. Даже одно лишь открытие его имени превратило бы ее в рядовое преступление, интерес к которому быстро исчез бы, а слезы сострадания иссякли бы. Но этот человек, бесследно отторгнутый от общества, был подвергнут беспрецедентному наказанию и старательно обособлен даже в тюрьме, словно одиночной камеры было недостаточно для сохранения тайны. Судьбу узника мы можем сравнить с поэтическим олицетворением страдания, которое соединило в себе все несправедливости тирании, все человеческие бедствия. Кем был этот человек в маске? Что привело его в безмолвие заключения – распутная жизнь придворного или интриги дипломата, смертный приговор или грохот битвы? Что он потерял? Любовь, славу, трон? Каковы были муки этого человека, у которого не осталось надежды? Как он вел себя – изрыгал проклятия и богохульства или только терпеливо и покорно вздыхал? Одно и то же страдание каждый человек переживает по-своему, и тот, кто мысленно проникает под своды Пиньероля или д'Экзиля, на острова Сент-Маргерит или в Бастилию, воображает себе долгую агонию узника в соответствии со своими капризами и своими симпатиями, и приписывает ему муки, вытекающие из собственных чувств. Он хотел бы узнать о мыслях узника в уединении, почувствовать биение его сердца, дававшего жизнь этой одушевленной машине, и отыскать следы слез которые текли под его бесстрастной маской.

Мучительно даже представить себе его участь: нескончаемые внутренние монологи, не отражающиеся на лице, сорокалетнее заключение за двойным ограждением – каменными стенами и железной маской. Воображение невольно приписывает ему величественное благородство, связывает тайну этого человека с самыми возвышенными интересами и настойчиво видит в нем жертву государственных секретов, возможно, принесенную во имя благополучия народов и спасения монархии.

Если поразмыслить, однако, более спокойно, то не покажется ли эта история обыкновенным поэтическим вымыслом? Не думаю. Напротив, мне сдается, что здравый смысл помогает здесь порыву воображения. В самом деле, не естественно ли предположить, что тайна, окутывавшая имя, возраст и внешность узника и сохраняемая в течение стольких лет с такими предосторожностями и настойчивостью, диктовалась наиважнейшими политическими интересами? Людские страсти, гнев, ненависть, месть не могут быть столь упорными и длительными. Подобные приказы нельзя объяснить заурядной жестокостью. Если даже предположить, что Людовик XIV был самым жестоким из монархов, неужели он не мог выбрать любую из казней, не прибегая к такой необычной пытке? Зачем ему было добровольно утруждать себя, окружая одного единственного узника бесконечными предосторожностями и постоянным наблюдением? Не боялся ли он, что ключ этой страшной загадки когда-нибудь будет найден по другую сторону тюремных стен, где он сокрыл постоянный источник тревоги за судьбу своего царствования? В то же самое время он почему-то заботился об узнике, которого так трудно было охранять и так опасно обнаружить! Все могла бы разрешить смерть при невыясненных обстоятельствах,

но король не хотел этого. Что тут причиной – ненависть, гнев, страсть, наконец? Конечно, нет! И можно сделать вывод из такого поведения: меры, принятые против узника, диктовал чисто политический интерес; король прибегал к строгостям, необходимым для сохранения тайны, но не решался пойти дальше, убить несчастного, который, возможно, не совершил никакого преступления.

Придворные не имеют обыкновения терпимо относиться к врагам своего властелина; поэтому само внимание, даже почтительность, выражаемая к узнику в маске комендантом Сен-Маром и министром Лувуа, служат доказательством как невинности этого лица, так и его высокого положения в жизни.

У меня лично нет притязаний на эрудицию книгочея, и я всегда видел в истории человека в железной маске лишь злоупотребление силой, отвратительное преступление, безнаказанность которого вызывает возмущение. Несколько лет назад, когда мы с г-ном Фурнье решили представить этот сюжет на сцене, мы внимательно перечли и сравнили различные опубликованные его версии. После успеха драмы, поставленной в «Одеоне», появились два отклика: письмо г-на Бийара, направленное им в Исторический институт и воспроизводящее сюжет, заимствованный нами у Сулави, а второй – работа библиофила Жакоба, которая дает вопросу новое освещение и свидетельствует о глубоких исследованиях и огромной начитанности. Работа Жакоба отнюдь не поколебала моих воззрений. Появись она до написания драмы, я все равно последовал бы своему варианту освещения этой истории, которым я воспользовался в 1831 г.: он куда драматичнее и кажется мне единственно правдоподобным, потому что в нем заключена мораль, весьма важная для столь мрачной и неясной истории. Кое-кто, пожалуй, скажет, что драматурги легко дают увлечь себя соблазнам выдумки и патетики, что они склонны жертвовать логикой ради эффектности, одобрением ученых ради аплодисментов партера. Но на это можно ответить, что эрудиты из любви к более или менее точным датам, к толкованию темных мест в тексте, которые не сумели прояснить до них и которые никогда, ни в каких дискуссиях не могут быть прояснены, из простодушного пристрастия к нагромождению дат и нанизыванию цитат часто забывают о главном. История этого необычного узника нуждается в объяснении как из-за суровости и длительности заключения, так и ввиду неясности причин, приведших к такой каре. Там, где одной эрудиции недостаточно, где каждый исследователь текста, опровергая предшественников, в свой черед опровергается преемниками, – там следует руководствоваться не только одними данными науки, и читатель, сопоставив все версии, убедится, что все они не безупречны. Это положение тем более бесспорно в случае с человеком в железной маске. Вслед за первой загадкой: «Кто этот человек в маске?» – встает вторая: «Что явилось причиной такой невиданной кары вплоть до смерти арестанта?» Для того чтобы заставить воображение замолчать, нужны положительные, точные доказательства, а не просто рассуждения.

Не утверждая и не настаивая, что аббат Сулави приподнял завесу истины, я убежденно повторяю: его версия наиболее правдоподобна, она основана на наиболее достоверных положениях. Это твердое убеждение дает мне не огромный и длительный успех пьесы, но легкость, с которой можно опрокинуть противоположные точки зрения, опровергая одну другой. В книге, где элементы успеха отличны от диктуемых театром, я, если бы мне позволила совесть, придумал бы захватывающую историю о любви Букингема и королевы или о тайном браке Мазарини и Анны Австрийской. При этом я смог бы воспользоваться книгой Сен-Мийеля, которую библиофил, как он признается, не читал, хотя она явно не относится к числу редких и малодоступных. Да и тут я тоже мог бы сделать парафраз моей пьесы, представить подлинные исторические лица, чьи имена в драме иногда были изменены, а значение и весомость преувеличены, и принудить их играть те же роли, придавая их действиям видимость правдоподобия. И вообще, какую сказку ни выдумай, какие хитросплетения не пусти в ход, ничто не сможет убить интерес, возбуждаемый всевозможными историями, что написаны о Железной маске, и

противоречивыми, как правило, подробностями, которые приводят авторы и свидетели, претендующие на осведомленность. Понятное дело, любое произведение на эту тему, даже посредственное, даже совершенно ничтожное, всегда пользовалось успехом, и тому примером совершеннейшая нелепица шевалье де Муи, этого бретера пера на жалованье у Вольтера, нелепица в шести частях под названием «Железная маска, или поразительные приключения отца и сына», вышедшая в 1746 г. без имени автора у Пьера де Ондта в Гааге, а равно столь же нелепый роман Реньо-Варенна или сочинение в четырех томах г-жи Генар, изданное в 1837 г. в Париже.

В театре автор вынужден занимать особую позицию. Он подчиняется неумолимым законам логики, следует своему замыслу и отвергает все, что его стесняет или ему мешает. Книга же, напротив, издается, чтобы возбудить спор. И мы представляем читателю фрагменты процесса, в котором еще не вынесен окончательный приговор и, вероятней всего, никогда вынесен не будет, если только не вмешается какой-нибудь счастливый случай.

Первым об узнике заговорил анонимный автор «Персидских записок», выпущенных в свет в 1745 г. Товариществом книгоиздателей Амстердама в одном томе 1/12 листа.¹

¹ В книге этой повествуется лишь об известных фактах. Но тем не менее из-за одной поразительной истории, рассказанной впервые, она имела столь огромный успех в Голландии и во Франции, что и следующем году вышло переиздание с дополнением. Кто автор этих «Записок»? Это крайне важно бы узнать, так как он был первый, кто бросил любознательности Европы эту приманку. Мы не сочли ничего лучшего как привести здесь блистательное и, как нам кажется, подводящее итог заключение библиофила Жакоба, который, на наш взгляд, ответил на вопрос искусно, аргументировано и в то же время весьма правдоподобно. «По общему мнению, автором мог бы быть шевалье де Ресень, который примерно в ту же эпоху был заключен в Бастилию. Но причина его заключения названа в реестрах Бастилии: известно, что он сочинял стихи, направленные против г-жи де Помпадур. Так, может быть, автором была, как писала г-жа де Оссе в одном из неизданных писем, г-жа де Вье-Мезон, одна из самых язвительных женщин своего времени, взявшая в редакторы Кребийона-сына? Но Кребийон-сын, охотно переносивший в Персию легкомысленные приключения героев своих романов и даже опубликовавший в 1746 г. «Любовные приключения Зеокинизуля, царя кофранов» (Людовика XV), не рисковал соваться в высокую политику и ограничивался галантными рассказами, которые очень нравились двору. Может быть, им был некий Пеке, чиновник министерства иностранных дел, попавший в Бастилию из-за этого произведения? Но книга проникла во Францию, вне всяких сомнений, благодаря предприимчивости секретарей посольства, торговавших запрещенными книгами, и одного-единственного экземпляра, найденного у Пеке, оказалось вполне достаточно, чтобы выдать именной указ о его аресте? Наконец, не был ли автором герцог де Ниверне, который отдыхал от сражений, сочиняя сказки в обществе Вольтера и Монтескье? Но герцог де Ниверне старательно собрал все написанное им для собрания сочинений, которое было выпущено как раз в то время, когда цензура преследовала «Персидские записки», но не проявляла к нему интереса как к анониму. К тому же эта аллегорическая история не имеет ничего общего с литературной манерой герцога, тонкого поэта, но прозаика хоть и остроумного, однако слабого, робкого и лишнего выдумки. Ничего нового об авторе этих «Записок» я не добавлю и мнение свое выскажу лишь в виде предположения, что «Записки о персидском дворе», вероятней всего, принадлежат Вольтеру. В них чувствуется стиль его повестей, – правда, здесь он небрежней, – а иногда и едкое его остроумие. В предисловии есть такие слова: «Похоже, что большинство произведений, к которым читателя просят быть снисходительным, снисхождения вряд ли заслуживают». Автор уведомляет, что один из его друзей, англичанин, во время путешествия в Париж получил возможность ознакомиться «со множеством секретных мемуаров и рукописей, хранящихся в библиотеке Али-Кули-хана, первого государственного секретаря, сановника несравненных достоинств», и перевел часть из них, относящихся к царствованию Сафи-шаха (Людовика XV). Читая восхваления Али-Кули-хана, в нем можно, распознать герцога де Ришелье, особенно если припомнить, что Вольтер, собирая материалы для «Века Людовика XIV», прибегал к воспоминаниям маршала, своего друга и покровителя. В предисловии автор утверждает, что перевел эти «Записки» с английского. «Я прошу читателя принять во внимание, что английский язык отличается от французского. Французский более ясен, более упорядочен, однако не столь богат и энергичен, как английский». Но разве Вольтер не повторял десятки раз в тех же самых выражениях подобные суждения об этих языках? Кроме того, у Вольтера были деловые связи с Амстердамской компанией еще с 1740 г., когда он ездил в Голландию, чтобы проследить за печатанием «Анти-Макиавелли» прусского короля. Именно тогда он жаловался на голландского книгопродавца по имени Ван Дурен, «самого отъявленного мошенника из этой породы», как написано в «Мемуарах» Вольтера. Он воспользовался этой поездкой для издания «Начал физики» г-жи Дюшатле, которые предварил предисловием; книга вышла в том же товариществе издателей, где пять лет спустя будут опубликованы «Персидские записки». Издатель приложил ко второму изданию сатирический портрет Вольтера; возможно, то была месть Ван Дурена: он счел забавным осмеять автора, названного вымышленным именем Кожа-сеид, в его же собственном произведении. «Кожа-сеид отличался непереносимой надменностью: великие мира и монархи столь испортили его, что он был дерзок даже с ними, с равными же себе нагл, а с низшими заносчив... Душа у него была низкая, сердце злое, а нрав коварный; он был завистлив, злоречив, язвитель и притом не слишком умен, а как писатель поверхностен и не обладал хорошим вкусом... Хотя родился он с добрыми задатками, но скаредность его была столь велика, что ради самых незначительных выгод он жертвовал всем: законом, долгом, честью, совестью». Как объяснить тот факт, что Вольтер не ответил на достаточно злобную критику, хотя обыкновенно отвечал врагам ударом на удар и не спускал даже ничтожных нападок? Ведь в тот же год, когда был опубликован этот весьма схожий с оригиналом портрет, он обратился к Монкрифу, чтецу королевы, чтобы получить разрешение на судебное преследование поэта Руа, «который переполнил чашу преступлений», распро-

На стр. 20 второго издания автор объявляет: «Имея единственной целью рассказать *о делах до сих пор неведомых* – как о тех, что доселе не описаны, так и о тех, о коих невозможно умолчать, мы перейдем к малоизвестному факту, касающемуся принца Джафара (Луи де Бурбона, графа де Вермандуа, сына Людовика XIV и м-ль де Лавальер), которого Али-Хомаджу (герцог Орлеанский, регент) посетил в крепости Исфахана (Бастилии), где тот находился в заточении уже многие годы. Этот визит имел целью удостовериться, что принц, считавшийся умершим от чумы более тридцати лет назад и похороненный в присутствии целой армии, жив.

У шаха Аббаса (Людовика XIV) был законный сын Сефи-Мирза (Людовик, дофин Франции) и побочный сын Джафар. Принцы отличались как по рождению, так и характерами, они вечно ссорились и соперничали. Однажды Джафар в запальчивости дал пощечину Сефи-Мирзе. Шах Аббас, которому сообщили об оскорблении, нанесенном наследнику престола, собрал ближайших своих советников и поведал им о преступлении Джафара, за какое, по законам страны, того должно было покарать смертью, однако один из министров, более чувствительный, чем другие, к скорби шаха Аббаса, предложил отослать Джафара в войско, стоявшее на границе с Фельд-раном (Фландрией), а через несколько дней представить дело так, будто он погиб, и тайно перевезти его в крепость на остров Ормуз (о-ва Сент-Маргерит), навечно там заточить, а перед войском изобразить пышные похороны.

Этот совет был принят и исполнен при участии верных и умеющих хранить тайну поданных; принц, преждевременную смерть которого оплакивали воины, окольными дорогами был привезен на остров Ормуз и сдан на руки коменданту крепости; тот заблаговременно получил приказ не показывать узника никому, кто бы этого ни добивался. Единственный слуга,

---

страшив пасквиль, где оскорбляется Академия, а Вольтер «подвергается чудовищной хуле». Неоспоримо, наконец, и то, что в период выхода в свет «Персидских записок» Вольтер работал над аналогичными вещами: подготавливал «Век Людовика» и разрабатывал в своих повестях восточные сюжеты, которые вошли в моду после «Персидских писем» Монтескье. «Бабук», «Мемнон», «Задиг» написаны в одно время с «Персидскими записками». Возможно, Вольтер завидовал популярности «Персидских писем» Монтескье. Но меня могут спросить, почему же Вольтер впоследствии не признал произведения, достойного, в некотором смысле, своего автора? Признай его Вольтер, все сомнения исчезли бы, и мне не пришлось бы пытаться сорвать завесу, скрывающую анонима, за которой я хотел бы узреть автора «Века Людовика XIV», открывавшего, так сказать; пути к новому факту, который он желал вырвать из архивов Бастилии. Позвольте высказать догадку, но при всем при том весьма правдоподобную. Я предполагаю, что маршал де Ришелье, знавший тайну Железной маски, поддался на просьбы и уловки Вольтера, и тот в конце концов был посвящен, дав клятву молчать, в этот мрачный секрет, которым владели лишь несколько ближайших приближенных Людовика XIV. По крайней мере, такой вывод можно сделать из отрывка «Персидских записок», где сказано, что «тайна сохранялась дурно» и что «великие мира сего бывают принуждены раскрывать свои секреты многим, а среди них всегда находятся болтуны». Вольтер не умел хранить секреты; ничего до того не зная об этой тайне, доверенной преданности трех или четырех лиц, он ощутил непреодолимое желание рассказать о ней и, возможно, даже разгадать ее, но это могло навлечь месть короля и ненависть и презрение герцога де Ришелье. Кроме того, Бастилия, столь долго сохранявшая в своей каменной утробе государственного преступника и его имя, могла навсегда поглотить и нескромность писателя, дабы покарать его предоставлением возможности добавить новую строфу к своему «я видел». Однако Вольтер считал, что для торжества истины и разума хороши все средства; он не боялся прибегать ко лжи и облекаться в любой маскарадный наряд, хотя было ясно, что ум и стиль выдадут его; так он прикрывался именами Аарон Матай, Жак Эмон, Акакий и другими, придумал еще сотню более или менее прозрачных псевдонимов и, блюдя анонимность как самых значительных, так и самых неважных своих произведений, постоянно прибегал к услугам потаенных книгопечатен Голландии. Понятное дело, он не претендовал на честь считаться автором книги, которая могла поссорить его с покровителями, маршалом де Ришелье и г-жой де Помпадур, в самый блистательный период своей придворной карьеры, когда милости Людовика XV удерживали его в Версале, когда он был гостем маркизы де Помпадур, склонялся перед солнцем Фонтенуа и с гордостью носил звания королевского камергера и историографа Франции. И все же я думаю, что Вольтер хотел окольными путями пустить в обиход историю Железной маски, чтобы иметь право высказаться на эту тему, чего он не мог бы сделать, если бы кто-то до него не взял на себя инициативу произнести первое слово. И этот *кто-то* был он сам. Благодаря подобной тактике он получил возможность публично заговорить о крайне необычной исторической проблеме, которую имел возможность обсуждать, да и то полушепотом, только наедине с герцогом де Ришелье. Вольтер во многом смахивал на героя сказки цирюльника царя Мидаса; тот, будучи не в силах хранить тайну, чтобы освободиться от нее, вырыл в земле ямку и шепнул туда: «У царя Мидаса ослиные уши». Вольтер охотно публиковал все, что знал, и часто даже то, чего не знал, – в противоположность Фонтенелю, который, зная истину, нередко отказывался ее открывать. Уже давно повсюду говорили об узнике в маске и Вольтер, вероятно, получил согласие де Ришелье рассказать об этом необычном факте, вместо того чтобы отрицать его. Вот почему автор «Персидских записок» не раскрыл свое имя. Следует также отметить, что Вольтер, не вдаваясь ни в какие объяснения, неизменно утверждал, что до него никто не публиковал историю «Железной маски» (примеч. автора).

хранитель этой государственной тайны, был убит в пути воинами конвоя, а чтобы он не был опознан, они кинжалами обезобразили его лицо.

Комендант крепости Ормуз обращался с узником с великим почтением, сам прислуживал ему и принимал в дверях камеры блюда из рук поваров среди коих никто никогда не видел лица Джафара. Однажды принц на дне тарелки вырезал ножом свое имя Слуга, которому попала эта тарелка, отнес ее коменданту, надеясь получить награду, но несчастный ошибся: его тут же прикончили, дабы никто не узнал столь важную тайну.

Джафар долгие годы провел в крепости Ормуз. Потом его перевезли в крепость Исфахан, когда шах Аббас в благодарность за верность назначил ормузского коменданта командовать столичной крепостью, где открылась вакансия. Как в Ормузе, так и в Исфахане на принца предусмотрительно надевали маску, когда по болезни или какой другой причине ему нужно было кому-то показаться. Многие заслуживающие доверия особы утверждали, что неоднократно видели замаскированного узника, и рассказывали, что он обращался к коменданту на «ты», а тот относился к нему с безграничным почтением.

Если спросят, почему Джафар, намного пережив шаха Аббаса и Сефи-Мирзу, не был освобожден, чего следовало бы ожидать, то надо заметить, что не было никакой возможности вернуть положение, титул и привилегии принцу, чья могила была еще цела, а кроме того, существовали не только очевидцы его похорон, но и писанные свидетельства, вера в подлинность которых не изгладилась еще из памяти народа; поэтому, что бы ни придумывали, народ остался бы в убеждении, что Джафар скончался от чумы в войсковом лагере в Фельдране. Али-Хамаджу умер вскоре после посещения Джафара».

Эта версия, первоисточник всех споров по поводу Железной маски, поначалу была принята всеми. До серьезной проверки она неплохо соответствовала событиям, происходящим в царствование Людовика XIV.

Граф де Вермандуа действительно отправился в армию во Фландрию после недолгого пребывания при дворе, откуда был удален королем за то, что со многими дворянами предавался оргиям *на итальянский лад*.

«Король, – пишет м-ль де Монпансье в своих мемуарах, – был весьма недоволен его поведением и не хотел его видеть. Юный принц, доставивший много горя своей матери, хотя наставления ему давались самые наилучшие и все надеялись, что из него получится достойный человек», пробыл при дворе всего четыре дня и в начале ноября 1683 г. был уже в лагере при Куртре; вечером 12 ноября он скверно почувствовал себя, а 19 умер от злокачественной лихорадки. М-ль де Монпансье пишет, что де Вермандуа умер, «опившись водкой».

Против этой версии можно выдвинуть немало самых разных возражений.

Прежде всего, если бы за те четыре дня, что граф де Вермандуа пробыл при дворе, нравы которого даже за столь короткий срок было нетрудно постичь, он дал бы пощечину дофину, об этом чудовищном происшествии стало бы известно всем. Но об этом написано только в «Персидских записках». Пощечина представляется тем более неправдоподобной, если принять во внимание разницу в возрасте между обоими принцами. Дофин, отец герцога Бургундского, родился 1 ноября 1661 г. и ему было 22 года, то есть он был на шесть лет старше графа де Вермандуа. И совершенно опровергает эту версию извлечение из письма Барбезье Сен-Марсу от 13 августа 1691 г.:

«Ежели у вас будет нужда испросить у меня что-либо для узника, уже *двадцать лет* находящегося под вашей охраной, прошу вас прибегать к тем же предосторожностям, какими вы пользуетесь, когда пишете г-ну де Лувуа».

Граф де Вермандуа, умерший по официальным сообщениям в 1683 г., никак не мог к 1691 г. пробыть в заключении *двадцать лет*.

Спустя шесть лет после того, как к человеку в маске было привлечено внимание рассказчиков, Вольтер под псевдонимом Франшвиль выпустил «Век Людовика XIV». И тотчас же в

этом давно ожидаемом произведении обнаружились несколько подробностей о таинственном узнике, возбуждавшем столько толков.

Вольтер наконец осмелился заговорить об этом узнике более ясно, чем все до него, и ввести в повествование *«событие, на которое историки прежде не обращали внимания»*. Он называет дату, когда началось заточение: через несколько месяцев после смерти кардинала Мазарини (1661 г.); дает портрет неизвестного, который, по его словам, был «выше среднего роста, молод, с красивым и благородным лицом, смугл, интересовался единственно своим голосом, никогда не жаловался на свое положение и не делал намеков на то, кем он был». Вольтер не преминул описать маску, «в нижней части которой имелись стальные пружины, позволявшие узнику есть, не снимая ее». Наконец он назвал дату смерти этого человека, похороненного в 1704 г. ночью в приходе Сен-Поль».

Рассказ Вольтера воспроизводит основные обстоятельства «Персидских записок», за исключением эпизода, относящегося к заключению Джафара. На узнике, когда его везли на о-в Сент-Маргерит, а потом перевозили в Бастилию под охраной Сен-Марса, особо доверенного офицера, была надета маска и имелся приказ убить его, если он откроет лицо. Маркиз де Лувау, приехавший на остров повидаться с узником, разговаривал с ним стоя, с уважением, граничащим с почтительностью. В 1690 г. узник был переведен в Бастилию, и там ему были созданы наилучшие условия, какие только были возможны в тюремном замке; ему ни в чем не отказывали, а любил он более всего тонкое белье и кружева, играл на гитаре; ему доставляли наилучшие яства, и комендант весьма редко садился в его присутствии.

Вольтер приводит многие подробности, которые он узнал от Бернавиля, преемника Сен-Марса на посту коменданта, и от старика врача, который лечил несчастного узника, но так ни разу и не видел его лица, «хотя неоднократно смотрел ему язык да и все тело». Он также сообщает, что г-н де Шамийар был «последним министром, знавшим эту тайну, и что его зять маршал де Ла Фейад на коленях умолял его сказать, кто же скрывался под железной маской, и что перед кончиной в 1721 г. Шамийар признался, что дал клятву никогда не раскрывать этот государственный секрет. К этим подробностям, удостоверенным герцогом де Ла Фейадом, Вольтер добавляет поразительное замечание: еще большее удивление вызывает обстоятельство, что в то время, *когда неизвестный был доставлен на остров Сент-Маргерит*, ни одна сколько-нибудь значительная персона в Европе не исчезла».

Дискуссия не утихла, и некоторые голландские ученые выдвинули предположение, в какой-то мере основывающееся (впрочем, как любое другое предположение) на исторических фактах. По этой новой версии узник в маске был молодым иностранным дворянином, камер-юнкером Анны Австрийской и предполагаемым отцом Людовика XIV. Это предположение имеет первоисточником книгу, напечатанную в Кельне у Пьера Марто под заглавием «Любовные утехы Анны Австрийской, супруги Людовика XIII, с С. D. R., подлинным отцом Людовика XIV, короля Франции, где можно найти подробности о том, что было предпринято ради появления на свет наследника престола, и о развязке этой комедии». Брошюра выдержала пять изданий. На титуле третьего издания вместо инициалов С. D. R. стоит имя кардинала Ришелье. Но это явное заблуждение издателя, что легко выяснить при чтении самого произведения. Кто-то считал, что эти три буквы означают comte de Riviere, кто-то – comte de Rochefort, потому что его мемуары, редактированные Сандра де Куртилем, открываются этими инициалами.

«Это сообщение, – пишет автор, оранжистский писатель на службе короля Вильгельма, – раскрывает великую тайну незаконного происхождения Людовика XIV. И хотя в нем много нового и неизвестного для нас, во Франции все это не является тайной. Известная всем холодность Людовика XIII, неожиданное рождение Людовика Богоданного, названного так, потому что он появился на свет после 23 лет бесплодного брака, не говоря уже о других примечательных обстоятельствах, столь ясно и убедительно доказывают его незаконность, что надо обладать крайним бесстыдством, чтобы утверждать, будто виновником его появления на свет был

король, почитающийся его отцом. Знаменитые парижские баррикады и грозный мятеж, поднятый против Людовика XIV при его восшествии на престол, во главе которого встали самые высокие особы, сделали незаконность его рождения столь очевидной, что все о том только и говорили, а поскольку здравый смысл давал тому подтверждение, то вряд ли у кого возникали на сей счет сомнения».

Вот в нескольких строках эта довольно ловко сочиненная сказка.

«Кардинал Ришелье с гордостью следил за романом Гастона Орлеанского, брата короля, и своей племянницы Паризиатиды (г-жи де Комбале) и задумал выдать ее за него. Гастон, оскорбленный таким предложением, ответил кардиналу пощечиной, и тогда отец Жозеф подсказал Ришелье и его племяннице идею, как лишить Гастона короны, которую он мог бы получить по причине всем известного бессилия Людовика XIII. Они ввели в спальню к Анне Австрийской молодого человека С. Д., на тайную и безнадёжную любовь которого королева уже обратила внимание. Анна Австрийская, по существу вдова при живом муже, почти не противилась, а на следующий день объявила кардиналу: «Ну что ж, вы сделали свое злое дело. А теперь позаботьтесь, господин прелат, о том, чтобы я обрела снисхождение и благоволение неба, которое вы мне сулили своими благочестивыми софизмами. Позаботьтесь о моей душе, ибо я надеюсь на вас». Наслаждение радостями любви продолжалось, и вскоре по королевству разошлась радостная весть о беременности королевы. Так посредством преосуществления явился на свет Людовик XIV, якобы сын Людовика XIII. Если эта история по нраву публике, – пишет памфлетист, – то не замедлит появиться продолжение, в котором повествуется о неизбежной катастрофе С. Д. и о том, сколь дорого обошлись ему наслаждения».

Несмотря на большой успех первой части, продолжения не последовало. Надо признать, что эта таинственная история, которая, впрочем, никого не убедила в незаконном происхождении Людовика XIV, стала тем не менее великолепным прологом к несчастной судьбе узника в маске и, несомненно, внесла свой вклад в рост интереса к нему. Мнение голландских ученых нашло не много сторонников и вскоре было заменено новым предположением.

Третьим историком, который заговорил об узнике, заточенном на островах Сент-Маргерит, был Лагранж-Шансель. В возрасте 89 лет он, подстрекаемый ненавидящим Вольтера Фрероном, направил из своего замка Антония в Перигоре письмо в «Анне литтерер», в котором опровергал версию, изложенную в «Веке Людовика XIV», и приводил сведения, какие почерпнул, когда сам был в заключении в тех же местах, где за двадцать лет до него содержался прославленный узник.

«В пору моего пребывания на островах Сент-Маргерит, – пишет он, – заключение Железной маски уже не было государственной тайной, и я узнал подробности, о которых историк, более строгий в своих исследованиях, чем Вольтер, дознался бы, дай он себе труд поинтересоваться ими. Это чрезвычайное событие, которое он относит к 1662 г., спустя несколько месяцев после смерти кардинала Мазарини, на самом деле произошло в 1669 г., то есть через восемь лет после кончины его высокопреосвященства. Г-н де Ламот-Герен, комендант островов в пору моего заточения там, уверял меня, что этим узником был герцог де Бофор; его считали погибшим при осаде Кандии, однако тело его, если верить тогдашним реляциям, так и не смогли найти. Г-н де Ламот-Герен поведал мне также, что Сен-Марс, переведенный сюда комендантом из Пиньероля, относился к узнику с крайним почтением, сам подавал ему еду на серебряном блюде и нередко по его просьбе доставлял ему самую дорогую одежду. При болезни узник под страхом смерти обязан был показываться врачу только в железной маске, а щетину на лице он мог выщипывать, лишь когда оставался один, стальными полированными и очень блестящими щипчиками. Такие щипчики я видел у г-на де Формануа-ра, племянника Сен-Марса, лейтенанта роты охраны. Многие рассказывали мне, что когда Сен-Марс отправлялся занять должность коменданта Бастилии, куда он перевез и узника, тот в пути задал ему вопрос: «Король

все еще хочет лишить меня жизни?»— на что Сен-Марс ответил: «Нет, *принц*, вашей жизни ничто не угрожает, вы должны позволить лишь проводить вас».

Более того, от некоего Дебюиссона, кассира знаменитого Самюэля Бернара, который был переведен на острова Сент-Маргерит после нескольких лет пребывания в Бастилии, я узнал, что там он был помещен с несколькими другими заключенными в камеру, находившуюся под той, где содержался неизвестный, и они имели возможность переговариваться через дымоход камина, но когда они его спросили, почему он не хочет сообщить им свое имя и рассказать о своих приключениях, то в ответ услышали: «Это признание будет *стоить жизни* мне, а равно и тому, кто проникнет в мою тайну».

Как бы то ни было, теперь, когда имя и титул этой жертвы политики не являются более государственной тайной, я счел, что должен, сообщив публике об известных мне фактах, пресечь распространение вымыслов, которые каждый придумывает, насколько хватает ему фантазии, доверившись автору, составившему себе репутацию на небылицах, имеющих видимость правдоподобия, чем его сочинения, например, та же «История Карла XII», и вызывают восхищение».

Библиофилу Жакобу эта версия кажется наиболее разумной из всех.

«С 1664 г., — пишет он, — герцог де Бофор из-за самодовольства и легкомыслия стал причиной неудач нескольких морских экспедиций. В октябре 1664 г. Людовик XIV упрекал его, правда, крайне деликатно и призывал усердней служить королю, применяя врожденные таланты и преодолевая присущие ему недостатки. «Не сомневаюсь, — добавлял король, — что вы не можете не признать, что весьма обязаны мне за то проявление благосклонности, примеры каковой редко дают монархи». Общеизвестны многие случаи, когда действия герцога де Бофора оказывались крайне пагубными для королевского флота. «История морского флота» Эжена Сю, содержащая много новых, интересных сведений, весьма точно определяет отношение «короля рынков», как называли де Бофора, к Кольберу и Людовику XIV. Кольбер хотел направлять из своего кабинета все маневры флота, которым великий флотоводец командовал со всей непоследовательностью, присущей его фрондерской и фанфаронской натуре. В 1669 г. Людовик XIV послал герцога де Бофора на помощь Кандии, осажденной турками. Бофор был убит во время вылазки 26 июня через семь часов после прибытия на Крит. Герцог де Навайль, который вместе с ним командовал французской эскадрой, смог рассказать всего-навсего следующее: «По пути де Бофор встретил толпу турок, которые теснили небольшой отряд, встал во главе его, доблестно бился, но был покинут всеми, и *никто никогда не сумел узнать, что с ним случилось*».

Слух о смерти герцога де Бофора быстро разошелся по Франции и Италии, где во время пышных похоронных церемоний, устроенных в Париже, Турине и Венеции, произносилось множество надгробных речей. Но так как тело его не было найдено среди трупов, многие верили, что он вскоре объявится.

Ги Патен в двух письмах упоминает об этом мнении; он не то чтобы в это верил, но и категорически не отрицал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.